

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

доктор социологических наук, заведующий
отделом социальных структур Института
социологии НАН Украины

АНЖЕЛА ПАТРАКОВА,

аспирант отдела социальных структур
Института социологии НАН Украины

Региональная спецификация социокультурных различий в Украине

Abstract

Social-and-cultural spottiness of Ukraine seems to accompany the uneven economic and inconsistent political development of the country for several centuries. And therefore, a “region” is traditionally used in sociology as an independent variable, explaining differences in preferences and desires of the population. Methods helping to determine social-and-cultural differences are offered in article. The authors consider people’s estimations of political and social events of the past, present and future to be the most important among all parametres that constitute or reveal a respondent’s culture. In such estimation, personal orientations and values are expressed if not fully then sufficiently definitely.

Область применения оппозиции “чистое–смешанное”, столь богатой социокультурными ассоциациями и аллюзиями, четко ограничена этнологическими и историко-культурными исследованиями. В пространстве, задаваемом подобной бифокусной социальной оптикой, реалии современных обществ, являющиеся преимущественным объектом наблюдения социологов, вряд ли различимы. Прежде всего потому, что такие реалии изначально оказываются “смешанными”, а значит, по определению, неоднородными и сложными. Оттого при внимательном, а нередко даже при поверхностном наблюдении за жизнью любого народа между различными его составляю-

щими в виде категорий и групп населения (к примеру, между пожилыми и молодыми, между представителями разных национальностей, профессий и т.п.), а также между жителями тех или иных регионов страны обнаруживаются отличия в ценностях, оценках истории и современности, в привычках, убеждениях, предпочтениях и ожиданиях. Носители специфических “коллективных представлений” (по Э.Дюркгейму) хотя и неравномерно распределяются по территории страны, тем не менее не консолидированы в замкнутые и непроницаемые территориальные анклавов, а дисперсно присутствуют в пределах наличных административных единиц. Количественное преобладание носителей определенных “коллективных представлений” — без превращения их во внутренние диаспоры — и предопределяет социокультурную регионализацию страны. При этом подобные региональные отличия, то есть обособленные констелляции исторически сложившихся несовпадений, а иногда и несовместимостей — в образе и стиле жизни, в восприятии и оценке окружающего мира — воспроизводятся довольно устойчиво.

Сложная и невидимая регионализация

Различение, вплоть до противопоставления, “запада” и “востока” в Украине одинаково легко производят как рядовые граждане, так и эксперты и политики. Ценностно-символическая напряженность и нескрываемая конфликтность подобного различения носят радикальный, по преимуществу, характер. И потому оно обрело форму устойчивого стереотипа, на бытовом уровне насыщенного взаимно неприемлемыми и плохо сглаживаемыми эмоциональными инвективами. Было бы упрощением зачислять этот стереотип в разряд предрассудков и предубеждений, основанных на недостатке информации или исторических заблуждениях. Его генезис более сложен, а функции более многочисленны.

Такого рода стереотип обыкновенно считают возможным источником явных или латентных конфликтов. Но он отнюдь не обязательно ведет к конфликту, хотя и является препятствием для взаимного понимания и взаимного признания представителей разных субкультур, в том числе региональных, будучи неким социокультурным запретом на пересмотр или ревизию содержания стереотипа. Своеобразная инерция поддержания и воспроизводства отчужденности, дистанцированности, инаковости — вот что приглушает импульс к выработке общего видения или интерпретации мира, а также к уважительному отношению к социально-культурному своеобразию сопоставляемых регионально локализованных сообществ. Более того, бытовое, а вместе с ним и экспертное противопоставление “запада” и “востока” Украины задает полюса возможных географически и этнографически производных идентичностей, легитимируя не одну только бифокусную оптику, но и, одновременно, полагая более затейливую социокультурную неоднородность страны простым признанием факта наличия обширного внутреннего пространства “между”, которое в социокультурной перспективе также не может быть пустым или гомогенным.

В социологии “региональность” давно и прочно возведена в ранг независимой переменной. Анализ региональной специфики мнений, оценок, суждений опрашиваемых является правилом, обязательным для выполнения при анализе и представлении эмпирических данных. Так поступает Ки-

евский международный институт социологии, распространяя пресс-релизы с информацией о мониторинговых обследованиях оценок и настроений граждан Украины. В ежегодниках Института социологии НАН Украины непременно содержатся аналитические материалы, отслеживающие динамику общественного мнения по актуальным проблемам социально-экономической и политической жизни в региональном разрезе [1]. Тот же подход широко представлен как в публикациях журнала “Социология: теория, методы, маркетинг” [2], так и на ежегодных научных конференциях Социологической ассоциации Украины и Института социологии НАН Украины “Проблемы развития социологической теории” [3]. Регулярно проводятся и научные конференции, посвященные собственно региональному развитию Украины [4]. Теоретические проблемы экспликации социокультурных идентичностей, эмпирические формы их бытования в современных условиях обстоятельно, в частности в региональном плане, рассматриваются в коллективной монографии Института социологии НАН Украины [5].

Однако социологи в своих исследованиях заведомо ограничены в конструировании “региональности”. Необходимость формировать выборку в соответствии с административно-территориальным делением страны не оставляет места для “регионального фантазирования”: границы регионов неизбежно предопределяются административными границами областей. “Регионы” тогда представляют собой группировки областей по географическому принципу и в социологии используются в качестве *ad hoc* принятых независимых переменных. Нельзя, впрочем, не признать, что это удобно. География ведь очевидна, и потому сомнения относительно того, какие области Украины отнести к “западу”, “востоку”, “северу”, “югу” или “центру”, возникают лишь в отношении двух-трех. При этом в воле исследователя решать, сколько у него случится таких “регионов”.

Давно замечено, что не только “запад” и “восток” содержат геополитические и культурные коннотации. Действительно, репрезентативный для страны в целом опрос, в котором индивидов спрашивают о важных, социально и личностно значимых вещах, непременно зафиксирует и отличия между “регионами”. То есть все происходит так, будто оценки респондентов, их отношение к тем или иным фактам и процессам обусловлены специфическими геосоциокультурными критериями. Вместе с тем отсылка к культурно-историческому происхождению подобных критериев насколько правомерна, настолько же мало что объясняет. Следовало бы знать, в каких именно “модусах бытия”, формирующих способы восприятия и оценивания, они воплощены и проявляются. Другими словами, необходимо выявить факторы, ответственные за конституирование феномена, называемого, обыкновенно, “региональность”.

Между тем современные исторические и культурологические исследования мало что способны противопоставить как бытовой геополитической и ценностно-смысловой оппозиции “запад–восток”, так и чуть более изощренной социологической дифференциации “регионов” или же хоть сколько-нибудь существенно уточнить их. По крайней мере, таково мнение Н.Яковенко, авторитет, проницательность и обоснованность суждений которой не подлежат сомнению [6, с. 333], хотя непрерывно предпринимаются продуктивные попытки реконструкции социокультурной неоднородности Украины

[7]. Опираясь на работу Н.Яковенко, суммируем представленные там наблюдения и констатации.

Ожидаемая и реально наличествующая социокультурная пестрота Украины производна от совершившейся на ее территории пульсации истории. Ее ритмичность, а также регулярно повторяющаяся аритмия (замедление или же учащение пульса истории) предопределены локализацией страны “между” Востоком и Западом. Причем “восток” и “запад” оказываются весьма сложными социокультурными комплексами. Восток — это и древняя Степь в лице татар, и Турция XVI–XVII веков, и “собирающая земли” в те же столетия Россия. Запад же представлен как историко-культурным наследием Византии, так и католическими влияниями Великого княжества Литовского и Речи Посполитой как объединения трех народов: польского, литовского и украинского. Закарпатье с позднего Средневековья принадлежит Венгрии, а позднее тут и восточнее отложится еще и культурный слой Австро-Венгерской империи. Кроме того, в первой половине XVI столетия значительные степные и лесостепные пространства Левобережья еще только предстояло колонизировать и заселить; на них еще только должны были встретиться разные культуры.

Тут, в этом заполненном и населенном, а в других сегментах пустом и еще безлюдном “между” типологически различные цивилизации, идеологии, экономические уклады, религиозные системы встречались, конкурировали, теснили друг друга, попеременно одерживая верх, вступали во временные или относительно постоянные коалиции. К тому же несколько столетий на украинских землях сосуществуют слабо связанные между собой территориальные конгломераты, политически подчиненные разным государствам [8, с. 135]. Общее и связующее здесь в течение длительного времени пребывают под непрерывным сомнением, едва угадываются, теряясь в превосходящих численностью различиях и размежеваниях, имеющих не всегда четко фиксируемое социокультурное и политическое происхождение.

Автохтонное население не только вовлекалось в эту игру истории на принадлежащей ему территории, но и само становилось ареной подобной игры. Безостановочность игры вовсе не способствовала континуальному воспроизведению или же терпеливому возвращению “своего”, будь то традиции, привычки, образ жизни, идеология или государственность в целом. Не просто тяготеть к Востоку или Западу, склоняться к одному из них, но непременно присоединяться, габитуализируя образ мыслей и чувствований, нередко принимая язык и сопутствующую ему культуру — такова была доминирующая несколько столетий социокультурная и политическая стратегия. До 1991 года Украине не удалась ни одна попытка обретения суверенности, а потому попытки сохранения идентичности для элиты оборачивались добровольным или же насильственным изгнанием, а для основной массы населения самоконсервированием на периферии или в складках территориально очерченного пространства (любопытно, не отсюда ли идеология “хаты скраю”?). Не случайно М.Грушевский и его последователи столь многое в истории Украины выводили из “фатальной географии” страны и к ней же многое возводили.

Впитывать, перерабатывать, усваивать, замыкаться — вот успешная стратегия сосуществования в динамичном, но политически разобщенном социуме. “Включение земель”, как это случилось с Западной Украиной в ре-

зультате Второй мировой войны и с Крымом в 1954 году, индустриализация Восточной Украины, невозможная без массовой миграции и встречи на новом месте носителей отличающихся установок, стереотипов и привычек, “исключение” этносов (например, крымские татары в 1944 году) и их репатриация в начале 90-х годов прошлого столетия — в XX веке взаимодействие культур не менее интенсивно и противоречиво. Метафора “фатальной географии” вроде бы подлежит отвержению, но ее жизненность и непреходящая привлекательность обеспечиваются самим ходом истории.

Однако если социологи довольствуются произвольным занесением областей в абстрактные географические репрезентанты (“центр” и т.п.), а историки и культурологи практически не готовы представить обоснованные критерии регионализации, то этнографы преуспели в этом заметно больше. Резюмируя изучение типологических черт материальной культуры и быта населения Украины в учебном пособии для вузов, они также указывают на условность этнографического районирования, поскольку границы и демаркационные линии достаточно подвижны, равно как и критерии, их определяющие [9, с. 22]. Студентам предлагается усвоить, что с историко-этнографической точки зрения существует шесть этнографических районов, не совпадающих с современным административным делением на области: 1) Полесье и Волинь (полностью или частично охватывает территорию современных Волынской, Житомирской и Киевской областей); 2) Карпаты и Прикарпатье (пять традиционных западных областей); 3) Подолье (Хмельницкая и Винницкая области, часть Житомирской области); 4) Слобожанщина и Полтавщина (части Сумской, Полтавской, Днепропетровской и Донецкой областей, а также полностью Харьковская и Луганская области); 5) Средняя Надднепрянина (Черкасская, Кировоградская и часть Киевской области); 6) Юг (Запорожская, Херсонская, Николаевская, Одесская области и Крым) [см. рис. 10 в: 9, с. 32–33].

Из сказанного выше вытекают, на наш взгляд, три вывода. Во-первых, задача сколько-нибудь удовлетворительного социологического районирования вряд ли выполнима. Поскольку построение выборки жестко увязано с административно-территориальным делением, то не избежать отождествления социологического районирования с административным, что заведомо неверно. Тем не менее, во-вторых, этнографически-социологическое обследование видится предприятием все же осуществимым. Вполне представима ситуация, когда этнографы и историки согласовывают “карту регионов”, социологи строят выборку и опрашивают. Вместе с тем, в-третьих, вовсе не очевидно, какой полевой инструмент (опросник) для выявления особенностей социокультурной регионализации при этом применять.

В подобной познавательной и методической ситуации свою основную задачу мы видим в обсуждении некоторых возможных подходов к социологическому реконструированию регионального деления Украины. Причем делать это мы намереваемся в рамках жесткого ограничения, не позволяющего провести региональную делимитацию, ведь первичная информация собиралась в соответствии с территориально организованной репрезентативной выборкой. В такого рода обстоятельствах нет возможности установить, где могут проходить или же где действительно проходят социокультурные кордоны. Оттого и наша претензия весьма скромна: попытаться оценить, позволяет ли предлагаемый подход выявлять и фиксировать со-

циокультурные различия между весьма произвольно — иное пока невозможно — сконструированными “регионами”.

Концептуальные предпосылки, эмпирическая база и методика

Методика социологического опроса разрабатывалась в рамках выполненного Институтом политики и поддержанного фондом “Відродження” проекта “Украина региональная” (авторы программы С.Макеев и С.Стукало), предусматривавшего также сбор широкой социально-экономической информации об областях Украины и издание соответствующего справочника. В ходе раздаточного интервью, проведенного в два этапа (в феврале и в июне 2003 года) “Українським демократичним колом”, было опрошено 4620 респондентов в возрасте 18 лет и старше, репрезентирующих население 10 сгруппированных административно-территориальных единиц страны по полу, возрасту и образованию. На последнем этапе выборки использовался квотный отбор, а сама выборка репрезентативна в отношении данной группировки [10, с. 8–9].

Авторы программы исходили из того, что в период резких, часто травмирующих чувства и восприятие людей социально-экономических и политических трансформаций, ведущих к смене хозяйственных укладов, равно как и к изменению способов восприятия и интерпретации мира, первостепенное значение среди конституирующих установки и ориентации индивидов параметров обретает оценка ими трех модусов времени — прошлого, настоящего и будущего. В таких оценках установки и ценности индивидов воплощаются если и не наиболее полно, то достаточно определено. Причем оценки выполняют, в первую очередь, селективную функцию, отбирая свое, близкое, приемлемое и, вместе с тем, отторгая чуждое, далекое, культурно не востребуемое и в этом смысле избыточное.

Коллективная и индивидуальная историческая память селективны по определению. А во времена перемен индивиды резонно или же только волюнтаристски ставят под сомнение общие для всех отдаленные и ближайшие времена, осуществляют некий пересмотр значимости событий или же, напротив, укрепляются в бытовавших убеждениях, не спеша следовать новым официальным (коллективным) интерпретациям прошлого. Избирательными остаются и схемы трактовки сопутствующей индивидуальному бытованию окружающей действительности (настоящее), которые зачастую проникнуты энергетикой неожиданных структураций, новых различий и неравенств. Дифференцированы также ожидания (будущее), берущие начало в несовпадающих коллективных представлениях о желательном — в целом и деталях — устройстве общества, а также возбуждаемые либо апатией или отчаянием, вызванными неузнаваемой, неприветливой и неприглядной повседневностью, либо вдруг приоткрывшимися и увиденными в настоящем перспективами и возможностями. Разумеется, удобная тройная селективность — не подтвержденный факт, скорее — небеспочвенная гипотеза.

Эмпирические показатели. В прошлом опрашиваемым предлагалось оценить политических деятелей разных эпох — от Б.Хмельницкого до Л.Кравчука и В.Чорновила (14 деятелей украинской, российской и советской истории оценивались по шкале: “полностью позитивно”, “скорее пози-

тивно”, “скорее негативно”, “полностью негативно”, “трудно сказать”, “не знаю такого”). По этой же 6-балльной шкале оценивались исторические события — решение Переяславской Рады 1654 года, Октябрьская революция 1917 года, пребывание Украины в составе СССР, распад Советского Союза, деятельность УПА.

Для выяснения оценок настоящего и будущего использовался ряд суждений, с которыми респондентам предлагалось согласиться полностью или частично либо не согласиться частично или полностью (вместе с позицией “трудно сказать” имеем 5-балльную шкалу). Текущая ситуация (**“настоящее”**, 16 вопросов) оценивалась опрашиваемыми с точки зрения возможностей и шансов удовлетворения пяти основных групп потребностей (по три суждения в каждой группе): а) в продуктах питания; в одежде и предметах ежедневного потребления; в отдыхе (например, “я и моя семья полностью удовлетворяем свои потребности в продуктах питания”); б) в безопасности личной — на улице и дома; социальной — в виде стабильной работы и заработка; коллективной — в виде наличия вокруг людей, на которых можно положиться (например, “я имею хорошую работу, стабильный заработок и уверенно смотрю в будущее”); в) в идентификации: с семьей; с региональной территорией; со страной в целом (например, “если появится возможность, то я перееду в другой город (село) или в другую область”); г) в самоуважении: уверенность в собственных силах; уважение на работе; отношение властей к индивиду (например, “я думаю, что в нашей стране власть игнорирует, не замечает таких людей, как я”); д) в доступности шансов самореализации: получить желаемое образование; защитить свои права и честь; достичь того, чего желаешь (например, “мои права, честь и достоинство как человека и гражданина в нашей стране надежно защищены”).

Ожидания и оценка **будущего** (10 вопросов) касались желаемого социально-экономического устройства страны. Респондентам предлагалось определиться со степенью согласия (полное или частичное) или несогласия (полное или частичное) соответствующих суждений (то есть опять применялась 5-балльная шкала), касающихся, например, отношения к рыночной экономике (“это нормально, если государственные предприятия приватизируются”; “государство должно владеть всей сельскохозяйственной землей”), векторов внешнеполитического развития (“Украина должна делать все необходимое для вступления в НАТО”; “политику вступления Украины в политический союз с Россией необходимо поддержать”), решения ряда острых проблем (“ветеранам УПА необходимо предоставить статус ветеранов Второй мировой войны”). На вопрос же о необходимости придать русскому языку статус официального респонденты отвечали “да” или “нет”.

Методика анализа первичной социологической информации

Изначальное формирование выборки по десяти условным регионам заведомо не позволяет ставить задачу нахождения более или менее обоснованной эмпирической модели регионализации Украины. Учитывая это, а также принимая во внимание предлагаемую этнографами структуру регионов, было решено укрупнить десять регионов до шести, предлагая несколько иные сочетания областей. В результате используемая классификация не

только не репрезентирует население страны в целом, но она нерепрезентативна и для выделяемых “регионов”. Отсюда и главная задача предпринятого анализа — не содержательная, но чисто методическая. Она состоит в том, чтобы прийти прежде всего к заключению о дифференцирующем потенциале исходных признаков (суждений и оценок), и, далее, в том, чтобы апробировать отдельные приемы, позволяющие в той или иной степени охарактеризовать особенности социокультурной регионализации Украины.

Первый шаг процедуры анализа предполагал агрегацию на всей выборке 46 исходных признаков (вся совокупность оценок прошлого, настоящего и будущего), которая осуществлялась с помощью факторного анализа методом анализа главных компонент (вращение варимакс с нормализацией Кайзера). После 12 итераций была получена размерность факторного пространства (перечень факторов) для всей совокупности опрошенных, представляющих, как было сказано, десять первоначально выделенных регионов. Причем некоторые признаки в силу континуума оценок от положительных до отрицательных могут входить в разные факторы. На втором шаге размерность факторного пространства и содержание факторов (перечень входящих в фактор признаков) устанавливались для каждого из шести вновь сгруппированных регионов и сопоставлялись с размерностью факторного пространства и наполненностью факторов, полученных для 10 регионов. Последнее означает, что социокультурную особенность региона предлагается трактовать как отклонение региональной факторной модели от средней по выборке.

Размерность социокультурного факторного пространства

Если принять в качестве критерия включения признака в фактор величину факторной нагрузки (то есть коэффициента его корреляции с фактором), равную или больше $\pm 0,4$, то из 46 исходных признаков 39 образовали 7 факторов (табл.; 4 признака одновременно вошли в первые два фактора с разными знаками, так что общая сумма признаков с учетом знака составила 43). И только 7 признаков имели факторную нагрузку меньше 0,4 (отношение к Б.Хмельницкому; отношение к М.Горбачеву; отношение к Л.Кравчуку; а также оценки суждений: о том, что регионам необходимо больше независимости; о том, что власть не замечает таких людей, как я; о том, что Украине необходимо вступать в НАТО; о необходимости придать русскому языку статус государственного). Низкая факторная нагрузка означает, что для населения в целом данные признаки не являются дифференцирующими: Б.Хмельницкий, например, одинаково высоко оценивается во всех регионах, а деятельность М.Горбачева — достаточно низко. Впрочем, существует и иная трактовка. Так, с высокой степенью вероятности можно утверждать, что признаки с небольшими значениями факторной нагрузки способны конституировать социокультурную специфику отдельных регионов: в зависимости от места жительства респонденты могут приписывать связанным с ними суждениям особое значение, как это, скажем, происходит в “Восточном регионе” с оценкой возможности придания статуса государственного русскому языку.

Таблица

Факторы и факторные нагрузки оценок прошлого, настоящего и будущего

Оценки и суждения	7 факторов по Украине (факторные нагрузки $\pm 0,4$)						
	1	2	3	4	5	6	7
Отношение к В.Ленину	0,70						
Как вы оцениваете период пребывания Украины в составе СССР?	0,67						
Отношение к Л.Брежневу	0,66						
В 1654 году после Переяславской Рады Украина попала под протекторат Российского государства – Украина воссоединилась с Россией. Как вы в целом оцениваете это событие?	0,65						
Отношение к Петру I	0,63						
Политику вступления Украины в политический союз с Россией следует поддерживать	0,61						
Как вы оцениваете распад Советского Союза?	-0,60	0,42					
Отношение к Н.Хрущеву	0,58						
Как вы в целом оцениваете Великую Октябрьскую социалистическую революцию 1917 года?	0,58						
Отношение к И.Сталину	0,55						
Я идентифицирую себя скорее с Советским Союзом, чем с Украиной	0,51						
Отношение к И.Мазепе		0,70					
Отношение к С.Петлюре		0,69					
Отношение к С.Бандере	-0,40	0,68					
Как вы в целом оцениваете деятельность УПА – Украинской Повстанческой Армии?	-0,43	0,66					
Отношение к В.Чорновилу		0,64					
Ветеранам УПА необходимо дать статус ветеранов Великой Отечественной войны	-0,43	0,60					
Отношение к М.Грушевскому		0,57					
Отношение к П.Скоропадскому		0,56					
Я и моя семья полностью удовлетворяем свои потребности в одежде, предметах повседневного пользования			0,82				
Я и моя семья полностью удовлетворяем свои потребности в продуктах питания			0,80				
Во время отпуска я и моя семья можем позволить себе полноценный отдых у моря, в санатории, пансионате			0,69				

Окончание табл.

Я имею хорошую работу, стабильный заработок и уверенно смотрю в будущее			0,63				
Я удовлетворен тем, как складывается моя семейная жизнь			0,56				
Рядом со мной люди, на которых я могу положиться в трудную минуту			0,48				
Там, где я живу, я чувствую себя в полной безопасности на улице и дома			0,44				
Рыночная экономика, частное предпринимательство — наилучший способ решения экономических проблем Украины				0,68			
Это нормально, когда государственные предприятия приватизируются				0,67			
Государство должно владеть всей сельскохозяйственной землей				-0,63			
Вся сельскохозяйственная земля должна быть передана в частную собственность				0,62			
Сегодня каждый в нашей стране может получить такое образование, о котором мечтает или которое считает для себя достойным					0,66		
Сегодня каждый может добиться того, чего хочет или к чему стремится					0,64		
Мои права, честь и достоинство как человека и гражданина в нашей стране надежно защищены					0,63		
В какой степени вы гордитесь тем, что являетесь гражданином Украины?						0,70	
Я чувствую гордость за свою страну						0,64	
Если появится возможность, то я перееду в другой город или в другую область						-0,42	
Если мне удастся реализовать какие-то планы, намерения, то это скорее благодаря моим собственным усилиям, а не потому, что мне сопутствовали удача или везение							0,64
Меня ценят и уважают там, где я работаю (работал, учусь)							0,55
Украина должна идти путем вступления в Европейский Союз							0,48
% дисперсии	20,9	8,8	5,0	4,2	3,8	3,1	2,75

Признаковое пространство, как видно из таблицы, сжато в семь основных факторов. Первый фактор собрал все признаки (мнение опрошенных о людях и событиях), характеризующие положительное отношение к единому государству, в котором представлены Украина и Россия. В этот фактор вошли: позитивные оценки исторических событий до образования СССР

(воссоединение Украины с Россией в 1654 году, Октябрьская революция 1917 года) и пребывание Украины в составе СССР; отрицательное отношение к распаду СССР, к деятельности УПА и перспективе предоставления воевавшим в УПА статуса ветеранов войны; идентификация себя с Советским Союзом, а не с Украиной; высокая степень согласия с суждением о том, что политику вступления Украины в политический союз с Россией следует поддерживать; позитивное отношение к таким политическим деятелям, как Петр I, В. Ленин, И. Сталин, Н. Хрущев, Л. Брежнев. Перед нами, безусловно, фактор **“вместе с Россией”** (14 признаков).

В нем максимальная факторная нагрузка у признака “отношение к В. Ленину” (0,70), далее идут “оценка пребывания Украины в составе СССР” (0,67), “отношение к Л. Брежневу” (0,66), оценка воссоединения Украины с Россией в 1654 году (0,65), “отношение к Петру I” (0,63), оценка вступления Украины в политический союз с Россией (0,61), оценка распада Советского Союза (-0,60), “отношение к Н. Хрущеву” (0,58), отношение к Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года (0,58), “отношение к И. Сталину” (0,55), “я идентифицирую себя скорее с Советским Союзом, чем с Украиной” (0,51).

Второй фактор включает положительные оценки респондентов национально-патриотических событий и выдающихся деятелей в истории Украины, среди которых И. Мазепа, С. Петлюра, С. Бандера, В. Чорновил, М. Грушевский, П. Скоропадский. Сюда же с высокими положительными факторными нагрузками вошли оценки деятельности УПА, а также перспективы “предоставления ветеранам УПА статуса ветеранов Великой Отечественной войны”. В этом случае мы имеем дело с **“фактором суверенитета”** (9 признаков).

Здесь первое место по величине факторной нагрузки занимает “отношение к И. Мазепе” (0,70), далее следуют “отношение к С. Петлюре” (0,69), “отношение к С. Бандере” (0,68), “оценка деятельности УПА” (0,66), “отношение к В. Чорновилу” (0,64), оценка предоставления ветеранам УПА статуса ветеранов Великой Отечественной войны (0,60), “отношение к М. Грушевскому” (0,57), “отношение к П. Скоропадскому” (0,56).

Третий фактор объединяет преимущественно высокие самооценки степени удовлетворения как базовых, так и социальных потребностей опрашиваемых: в продуктах питания, в одежде, в полноценном отдыхе у моря, в безопасности, а также удовлетворенность семейным положением, работой и оптимистический взгляд в будущее. Назовем его **“фактор удовлетворенности настоящим”** (7 признаков). Появление такого фактора, причем с высокими положительными нагрузками, свидетельствует о том, что распределение шансов и возможностей довольно неравномерно и что в стране постепенно складывается слой населения, чью главную отличительную особенность составляет доступ к ресурсам обеспечения благосостояния и комфорта в пределах настоящего.

В этом факторе максимальная факторная нагрузка у признаков “я и моя семья полностью удовлетворяем свои потребности в одежде, предметах повседневного пользования” (0,82), “я и моя семья полностью удовлетворяем свои потребности в продуктах питания” (0,80). Далее, по мере убывания величины факторных нагрузок идут следующие признаки: “во время отпуска

я и моя семья можем позволить себе полноценный отдых у моря, в санатории, пансионате” (0,69), “я имею хорошую работу, стабильный заработок и уверенно смотрю в будущее” (0,63), удовлетворенность семейным положением (0,56), “рядом со мной люди, на которых я могу положиться в трудную минуту” (0,48), “там, где живу, я чувствую себя в полной безопасности на улице и дома” (0,44).

В четвертом факторе представлены установки респондентов в отношении рыночной экономики, приватизации государственных предприятий, частной собственности на землю и в противовес им, в отношении государственного регулирования хозяйственных процессов. Обозначим его как **“рыночный фактор”** (4 признака). Самую высокую внутрифакторную нагрузку имеет признак “рыночная экономика, частное предпринимательство — наилучший способ решения экономических проблем Украины” (0,68), далее с небольшим отрывом еще три признака: “это нормально, когда государственные предприятия приватизируются” (0,67), “государство должно владеть всей сельскохозяйственной землей” (–0,63), “вся сельскохозяйственная земля должна быть передана в частную собственность” (0,62).

Пятый фактор связан с ощущением высокой степени социальной защищенности и открытых возможностей для личностной и социальной самореализации: “сегодня каждый в нашей стране может получить такое образование, о котором мечтает или которое считает для себя достойным” (0,66), “сегодня каждый может добиться того, чего хочет или к чему стремится” (0,64), “мои права, честь и достоинство как человека и гражданина в нашей стране надежно защищены” (0,63). Перед нами суждения, характеризующие общество, в котором отсутствуют серьезные препятствия для достижения индивидуально значимых целей и, одновременно, существуют действенные механизмы защиты прав и достоинства людей, **“фактор социальной перспективы и безопасности”** (3 признака).

Шестой фактор — это фактор высокой степени идентификации с Украиной как суверенным государством, в основе которой — гордость за свою страну: “в какой степени вы гордитесь тем, что являетесь гражданином Украины?” (0,70), “я чувствую гордость за свою страну” (0,64); “если появится возможность, то я перееду в другой город или в другую область” (–0,42). Уместнее всего, вероятно, именовать его **“фактором патриотизма”** (3 признака).

Седьмой фактор включает признаки, связанные с представлением о мире как подвластном индивидуальным усилиям, о том, что уважение и признание окружающих оказываются следствием компетентности и профессионализма: реализация планов благодаря собственным усилиям (0,64), “меня ценят и уважают там, где я работаю (работал, учусь)” (0,55), “Украина должна идти путем вступления в Европейский Союз” (0,48). Отношение к Европейскому Союзу мы относим к данному фактору, имея в виду связь этого признака с ориентированностью на индивидуалистические ценности, ведь именно в ЕС происходит стремительное социальное обесценение государственных институтов, а передвижению отдельных людей и семей ставится все меньше препятствий в виде государственных границ. Все перечисленные признаки конституируют **“фактор индивидуализма”** (3 признака).

Региональные модификации общеукраинской факторной модели

Далее процедура факторизации была применена к каждому из шести априори сконструированных “регионов”. Кратко опишем те изменения в структуре факторного пространства и наполненности факторов признаками, источником которых предлагается считать “регион” в качестве “независимой переменной”. В **“Северном регионе”** (Житомирская, Киевская, Черниговская, Сумская области) два фактора, представляющие противоположные оценки респондентами исторических событий прошлого страны (фактор “вместе с Россией” и “фактор суверенитета”), остались практически без изменений. За исключением того, что для Северного региона первый фактор (“вместе с Россией”) включил дополнительные признаки, связанные с отрицательной оценкой как деятельности УПА, так и ее лидера — С.Бандеры. Внутрифакторная нагрузка этих признаков составила: $-0,66$ — оценка деятельности УПА; $-0,65$ — “ветеранам УПА необходимо дать статус ветеранов Великой Отечественной войны”; $-0,61$ — “отношение к С.Бандере”. В факторной модели по Украине эти признаки относились ко второму фактору с положительной внутрифакторной корреляцией.

Кроме того, для Северного региона характерно соединение в один фактор “фактора удовлетворенности настоящим” и “фактора социальной перспективы и безопасности”.

В то же время “рыночный фактор”, характерный для всеукраинской факторной модели, в данном регионе разделился на два фактора. Первый собрал в себя все признаки, описывающие отношение к частной собственности: негативное отношение к тому, что государство должно владеть сельскохозяйственной землей, и, соответственно, положительное отношение к тому, что государственные предприятия должны приватизироваться. То есть речь идет о сугубо положительном “рыночном факторе”. Во втором факторе наряду с признаком “рыночная экономика, частное предпринимательство — наилучший способ решения экономических проблем Украины”, присутствуют новые переменные: отношение к вступлению в Европейский Союз; отношение к вступлению в НАТО; оценка деятельности М.Горбачева; отношение к предоставлению регионам большей независимости. Причем три последних признака в общеукраинскую модель не входили вследствие низких факторных нагрузок. Также в данном регионе “фактор патриотизма” дополнился оценкой деятельности Л.Кравчука (коэффициент корреляции признака с фактором составил $0,5$).

В **“Центральном регионе”** (Хмельницкая, Винницкая, Черкасская, Кировоградская, Полтавская, Днепропетровская области) факторная модель также весьма близка к средней по Украине. Первый фактор (“вместе с Россией”) остался неизменным. Второй фактор (“суверенитета”) дополнился двумя новыми признаками — оценками вступления в НАТО и вступления в Европейский Союз, что усиливает его за счет геополитического дистанцирования от России. “Фактор удовлетворенности настоящим” полностью совпадает с всеукраинской моделью. “Рыночный фактор” дополнился тремя признаками — оценками деятельности М.Горбачева и Л.Кравчука (эти имена трудно не связывать с социально-экономическими преобразованиями и отходом от администрируемой экономики), а также шансов до-

биться сегодня того, чего хочешь. “Фактор патриотизма” и “фактор индивидуализма” остались без изменений. Фактор же “социальной перспективы и безопасности” в данном регионе отсутствует. При этом появилось одно оценочное суждение о деятельности Б.Хмельницкого с факторным значением 0,63. Это самостоятельно конституирующее фактор суждение явно индивидуализирует социокультурный облик данного региона.

В **“Западном регионе”** (Волинская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровенская, Тернопольская, Черновицкая области) факторная модель наиболее близка к общеукраинской. Четыре фактора — “вместе с Россией”, “суверенитета”, “удовлетворенности настоящим” и “патриотизма” полностью совпадают. “Рыночный фактор” дополнился только положительным отношением к предоставлению регионам большей независимости. “Фактор социальной перспективы и безопасности” дополнительно включил оценки деятельности М.Горбачева и Л.Кравчука. В “факторе индивидуализма” произошли незначительные изменения. Вместо позитивной оценки “меня ценят и уважают там, где я работаю (работал, учусь)” появилось согласие с суждением “Украина должна делать все необходимое для вступления в НАТО”.

Если в рассмотренных выше регионах первые два фактора (“вместе с Россией” и “суверенитета”) оставались неизменными, то в **Киеве**, который был выделен в отдельный регион, социокультурная специфика административно-географических образований начинает проявляться отчетливее. В киевской модели в факторе “вместе с Россией” отсутствуют оценки деятельности Петра I и Н.Хрущева. “Фактор суверенитета” и “фактор удовлетворенности настоящим” остаются неизменными. “Фактор социальной перспективы и безопасности” дополнился весьма органичным для него согласием с суждением о безопасности по месту жительства. Вместе с тем “миграция” некоторых признаков между факторами выглядит случайной и немотивированной. Так, “рыночный фактор” почему-то дополнился у киевлян положительной оценкой деятельности Петра I, к “фактору патриотизма” присоединились положительные оценки деятельности М.Горбачева и Л.Кравчука, а в “факторе индивидуализма” вместо оценки вступления в Европейский Союз появилось отрицательное отношение к переезду в другой город или в другую область.

В **“Восточном регионе”** (Харьковская, Донецкая, Луганская области) так же, как и в киевской модели, в первом факторе (“вместе с Россией”) отсутствуют оценки деятельности Петра I и Н.Хрущева, но появилась новая переменная, касающаяся убеждения респондентов в том, что государство должно владеть сельскохозяйственной землей (кстати, именно на Востоке, в самом урбанизированном регионе страны, наиболее многочисленны противники частной собственности на землю). В “факторе суверенитета” отсутствуют оценки деятельности В.Чорновила и М.Грушевского. При этом “фактор удовлетворенности настоящим” и “фактор социальной перспективы и безопасности” объединились в один.

“Рыночный фактор” распался на два, и такая его эволюция в очередной раз подтверждает тезис о слабой представленности рыночных ориентаций в промышленных районах страны. В первом новом факторе сугубо рыночные признаки (отношение к рыночной экономике, а также к приватизации государственных предприятий) неожиданно дополнились оценками таких

политических деятелей, как Петр I, Б.Хмельницкий и М.Грушевский и внешнеполитическими ориентациями (негативная оценка того, что Украине следует вступать в Европейский Союз). Второй фактор включил положительное отношение к тому, что сельскохозяйственную землю следует отдавать в частные руки, а также дополнился оценками деятельности таких политических деятелей, как М.Горбачев и Л.Кравчук, и отношение к предоставлению русскому языку статуса государственного. Очевидная неоднородность новых образований указывает на необходимость дополнительных итераций факторного анализа, направленных на увеличение числа получаемых факторов. Отметим также, что признак, связанный с оценкой предоставления русскому языку статуса государственного, ни в общеукраинской факторной модели, ни в рассмотренных выше четырех регионах не имел факторного значения, превышающего критические 0,4.

“Фактор патриотизма” на Востоке Украины включает те же ценности, что и всеукраинская модель, за исключением того, что отсутствует оценка переезда в другой город или другую область. “Фактор индивидуализма” подкрепился двумя оценками: “рядом люди, на которых я могу положиться” и “удовлетворенность семейной жизнью”.

В **“Южном регионе”** (Запорожская, Николаевская, Одесская, Херсонская области и Автономная Республика Крым) факторная модель в наибольшей степени отличается от общеукраинской. Фактор “вместе с Россией” распался на два. Первый включил положительные оценки исторических событий прошлого Украины и России как единого государства и положительную оценку только одного политического деятеля — Петра I. Заметим попутно, что отношение к тому, чтобы предоставить русскому языку статус государственного языка вошло в фактор с отрицательным факторным значением $-0,47$. Второй фактор включил отношение ко всем политическим деятелям бывшего Советского Союза, положительную оценку Октябрьской революции 1917 года и отрицательное отношение к вступлению Украины в Европейский Союз.

“Фактор суверенитета” в основном совпадает с всеукраинской моделью, за исключением отсутствия оценки деятельности М.Грушевского. Добавилась положительная оценка вступления Украины в НАТО, факторное значение которой во всеукраинской модели меньше 0,4. Факторы “удовлетворенности настоящим” и “социальной перспективы и безопасности” объединились в единый фактор в модели “Южного региона”. “Рыночный фактор” дополнился положительной оценкой того, что регионам необходимо дать больше независимости. “Фактор патриотизма” изменился только в одной оценке. Вместо установки на переезд в другое место появилось согласие с утверждением “меня ценят и уважают там, где я работаю (работал, учусь)”. “Фактор индивидуализма” фактически распался. Единственный сохранившийся признак из “усредненной” факторной модели — это утверждение о реализации планов благодаря собственным усилиям. При этом добавились положительные оценки деятельности Б.Хмельницкого и М.Грушевского. Попытка связать их с “фактором индивидуализма” завершится, как представляется, бессодержательной социокультурной метафорой. Тем не менее очевидно, что ценности индивидуализма на Юге Украины менее значимы, чем политические события прошлого и перспективы на будущее.

Заключительные наблюдения

Факторизация 46-мерного признакового пространства позволила получить семь довольно легко интерпретируемых факторов. Очевидность интерпретации в факторном анализе принято считать обнадеживающим свидетельством способности введенных признаков выявлять особенности оценок, предпочтений и притязаний респондентов. Дифференцирующий потенциал прошлого, настоящего и будущего как модусов времени обусловлен имманентной дихотомичностью возможных предпочтений, задаваемой и воспроизводимой политической и социально-экономической историей страны. Индивиды и региональные общности в их оценках прошлого разнятся своим отношением к России, редуцированным к альтернативе “вместе с Россией или отдельно от нее”. В пространстве жизненных шансов и возможностей (“настоящее”) дихотомию образуют их доступность и недоступность. Альтернативную же перспективу будущего все еще задают отношение к рынку и государственному регулированию экономики, а также внешнеполитические ориентации на Россию и широко понимаемый Запад. Другими словами, вклад социологов в изучение социокультурной спецификации регионов Украины мог бы состоять в выявлении отношения населения отдельных регионов к трем модусам времени.

Вместе с тем вариабельность социокультурной регионализации проявляется в меньшем (как в случае “Западного региона”) или же большем (как в случае “Южного региона”) отклонении от общеукраинской модели. Если обобщать влияние региона в качестве независимой переменной, то на основе предложенной методической процедуры можно выдвинуть следующие гипотезы, которые следует либо отвергнуть, либо подтвердить в репрезентативном обследовании.

Во-первых, несмотря на вариабельность величины факторных нагрузок признаковая наполненность двух первых факторов (“вместе с Россией” и “суверенитета”) в четырех регионах из шести (за исключением “Восточного” и “Южного”) остается практически неизменной. Иначе говоря, на Юге и Востоке страны респонденты явственнее различают более отдаленную и ближайшую к ныне живущим поколениям историю страны, носители памяти о которой еще живы.

Во-вторых, происходит как слияние двух факторов в один (чаще всего — в трех регионах — это происходит с “фактором удовлетворенности настоящим” и “фактором социальной перспективы и безопасности”), так и разделение единого в общеукраинском контексте фактора на два самостоятельных. Оба варианта бесспорно обусловлены социокультурной спецификой регионов, однако подлежат уточнению и взвешенному, если не сказать осторожному, истолкованию.

В-третьих, отличия между регионами проявляются и в разной наполненности факторов конкретными признаками.

В-четвертых, вполне возможно появление нового фактора, едва ли не исчерпывающе репрезентирующего социокультурную особость региона — как это случилось с оценкой деятельности Б.Хмельницкого, выделившейся в самостоятельный фактор в “Центральном регионе”.

В-пятых, новые сочетания признаков в факторах приводят к тому, что сами факторы нередко становятся “смешанными”, а их интерпретация ока-

зывается затруднительной или же требует дополнительных итераций с целью увеличения числа исходных факторов. Последняя операция, кстати, также необходима для обнаружения и корректного описания региональных социокультурных особенностей.

Не исключено, что целесообразно расширить и список исходных признаков, в первую очередь в блоках “индивидуальные ценности”, “экономические ориентации” и “внешнеполитические ориентации”. Дело в том, что за пределами внимания могут оставаться сильные дифференцирующие признаки, как бы ответственные за регионализацию Украины. Между тем можно предположить, что наступило время мягких, неконфронтационных различий. Возможно, такими и должны быть социокультурные различия.

Литература

1. Українське суспільство — 2003. Соціологічний моніторинг. — К., 2003.
2. *Савоскул С.* Суверенизация Украины: этническая идентичность украинского и русского населения // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 4. — С. 44–60.
3. Проблеми розвитку соціологічної теорії. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства. — К., 2002.
4. Розвиток України в регіональній перспективі. Політичні, економічні, соціальні проблеми регіоналізації. — К., 2002.
5. Соціокультурні ідентичності та практики. — К., 2002.
6. *Яковенко Н.* Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. — К., 2002.
7. *Рябчук М.* Від Малоросії до України: парадокси запізненого націєтворення. — К., 2000.
8. *Попович М.* Нарис історії культури України. — К., 1998.
9. Культура і побут населення України: Навчальний посібник для вузів. — К., 1991.
10. Україна регіональна. — К., 2003.